

Н.Ю. Замятина

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
ГСП-1, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова, Географический факультет, Москва, 119991
E-mail: nadezam@yandex.ru

АНТРОПОЛОГИЯ ЗОНАЛЬНОСТИ: ПРИРОДА И КУЛЬТУРА В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Зональность обычно воспринимается как природное явление — регулярно и закономерно сменяющие друг друга в пространстве природные зоны (тундры, тайги, степи и т.д.). Под влиянием меняющихся природных условий в той или иной степени меняется в пространстве и человеческая деятельность. Однако существует немало культурных, «человеческих» факторов, под воздействием которых возникает аналогичная картина регулярно, закономерно дифференцированных в пространстве зон — например, центр и периферия, староосвоенные зоны и районы нового освоения и др.—дифференцированных не только в экономическом отношении, но и как комплексные феномены, включающие целостные, властные, поведенческие и иные аспекты. В статье предлагаются общие рамки концептуализации понятия зональности как универсального явления пространственно дифференцированных условий деятельности и осмысления этих условий человеком.

Ключевые слова: зональность, географическая зона, центр — периферия, освоение, фронт-тир.

Зональный подход был исторически разработан на материале природных явлений: это труд по зональности почв В.В. Докучаева, зональные типы климата Кёппена/Алисова, наконец, собственно учение о географических природных зонах [Алисов, 1936; Берг, 1922; Докучаев, 1948]. Сегодня зональный подход используется преимущественно в физической географии и других естественных дисциплинах, где является мощным инструментом анализа закономерностей пространственной дифференциации изучаемых явлений.

В дисциплинах, связанных с изучением человеческой деятельности, зональность рассматривается весьма ограниченно и, как правило, вторично, в контексте влияния климатических и иных природных условий на хозяйственную деятельность. Ярким примером такого «отприродного» использования зональности можно считать классическую концепцию хозяйственно-культурных типов, подразумевающую пространственную дифференциацию этнических особенностей в зависимости от природных зон [Левин, Чебоксаров, 1955], и аналогичные ей концепции зарубежных исследователей, в частности, в экологической антропологии [Барнард, 2009]. В России данный подход нашел особенно широкое применение в этнологических и антропологических исследованиях народов Крайнего Севера [Головнев, 1993]; причем здесь интересна пространственная дифференциация этнокультурных особенностей человеческой деятельности не только с севера на юг по природным зонам, но и по линии «приморские — внутренние» территории [Крупник, 1989].

Аналогично распространено вторичное применение зонального подхода в экономике, экономической географии, где речь идет о влиянии зональных климатических и т.п. природных особенностей на современную дифференциацию хозяйственной деятельности. Редкое исключение — работы А.Н. Пилясова, понимающего влияние природной зональности шире — не только на хозяйственную специализацию, но и на особенности структуры предпринимательской деятельности, а также на некоторые культурные и поведенческие аспекты человеческой деятельности [Пилясов, 2016, 2017]. Интересно, что, как и в этнологии, в экономической географии и экономике зональность обычно обращает на себя внимание исследователей, занятых проблемами Крайнего Севера и Арктики; в качестве примера можно рассмотреть обзор [Васильев, Селин, 2013].

За пределами северной тематики применение зонального подхода скромнее и, главное, не сопряжено с четким представлением о самом понятии «зоны», например: «В социально-экономической географии данная категория используется при выделении зон влияния крупных городов (в качестве их границ часто используют изохроны — линии одинаковой транспортной доступности),

зоны влияния промышленных центров (например, по сбыту продукции) и др. Для России особо важно выделение зоны Севера, которое проводится по совокупности природно-климатических и социально-экономических количественных показателей» [Шувалов, 2013, с. 100]; при этом основной упор сделан на однородность внутри зоны некоторого количественного показателя.

Представляется, что сведение зонирования к выделению территорий, внутри которых количественно однородно некоторое явление, слишком поверхностно. Обратимся к истокам зонального подхода — к концепции природных зон и уже на ее основе попробуем посмотреть на зональные явления различной природы.

Природная зональность: «образцовый» вариант зональности

Если бы зонирование *ограничивалось* количественными характеристиками, мы бы говорили о зонах разного уровня инсоляции, а не о комплексных, многокомпонентных природных зонах. Но нет, природная зональность подразумевает более сложное явление — она подразумевает, что некоторые *количественные характеристики* (в данном случае солнечная радиация и увлажнение) *определяют (детерминируют) качественные характеристики* происходящих на территории процессов и в итоге — качественные характеристики развивающихся в результате природных комплексов. Один-два компонента ведущих, заданных извне, они поддаются количественному измерению, но в итоге эти ведущие компоненты предопределяют тип развития сложных, комплексных природных систем.

Действительно: как писал И.С. Щукин в знаменитом «Четырехязычном словаре терминов по физической географии», географическая зона «характеризуется общностью термических условий и увлажнения, благодаря чему биологические компоненты ландшафта и почвы, а также экзогенные геоморфологические процессы сходны» [1980, с. 96]. В результате складывается географическая зона — «одна из высших ступеней физико-географического районирования земной поверхности» [Там же]. Еще раз подчеркнем важную в контексте нашей работы деталь: природная зона характеризуется не просто общностью количественно измеримых внешних условий, но и качественными особенностями сформированной в этих конкретных внешних условиях совокупности компонентов ландшафта и почвы, особенностями происходящих процессов.

Потрясающе ярко эту мысль выразил сам В.В. Докучаев: «Раз вся природа, взятая в целом,— как растительный и животный миры, так воздух, а отчасти и минеральное царство,— особенно поверхностные горные породы и легко растворимые минералы, зональны, располагаясь по лицу земли в виде более или менее непрерывных полос, вытянутых с запада на восток, так сказать, параллельно вращению нашей планеты... то естественно и даже неизбежно, что и результат (иначе функция) совокупной деятельности сейчас названных мировых почвообразователей (воды, воздуха, растительных и животных организмов и пр.) не может не быть зональным. И действительно, мы уже видели выше, что весь земной шар одет разноцветными почвенными лентами, окраска которых, параллельно увеличению тепла и света от полюсов к экватору, параллельно изменению цвета человеческой кожи и одежды животных, от белой до серой, черной, каштановой и медно-красной,— постепенно делается интенсивнее и ярче... Большой аналогии, большого параллелизма, большей связи и генетического сродства — мало этого,— большего содружества и — даже, так сказать, мировой самопомощи и любви между отдельными стихиями и отдельными царствами природы,— нельзя и требовать» [1899, с. 9–11].

Иными словами, природная зональность — едва ли не лучшая географическая иллюстрация того, как количество переходит в качество, но никак не строго количественное явление! *Количественные показатели* солнечной радиации и увлажнения *определяют территориальную дифференциацию качественно разнородных явлений* — тайги и тундры, лесов и пустынь и т.д.

Если попытаться вывести более общие принципы определения зональности, то необходимо признать, что географические зоны подразумевают:

- а) качественное различие явлений на разных участках пространства (лес/степь/пустыня и т.п.);
- б) воздействие внешнего фактора (в случае природных зон — термических условий и увлажнения) на характер развития изучаемых качественных явлений (географических природных зон);
- в) переход количества в качество: количественные территориальные различия в уровне внешнего воздействия оказываются критическими (детерминирующими) для формирования территориально дифференцированных качественных явлений (природных зон).

Важно обратить внимание на наличие некоторого ведущего фактора (или нескольких тесно взаимосвязанных факторов — как термические условия и увлажнение), сила воздействия которого изменяется от места к месту — но ни в коем случае речь не о смене детерминирующего

фактора от места к месту: иначе мы бы получили не зонирование, а однородное районирование, выделение ареалов тех или иных явлений, не связанных между собой. Представляется, что именно присутствие некоторого фактора, детерминирующего качественные пространственные различия, и является порогом между зонированием и районированием (по этому признаку целесообразно разделять зонирование и районирование, хотя нередко — в частности, у Э.Б. Алаева [1983] — зонирование рассматривается как вид районирования).

Понимание *системной взаимоувязки зон через влияние общего детерминирующего фактора* очень важно для понимания сути зонального распределения явлений. Так, например, лес и степь не образуют два независимых ареала — их распространение взаимоувязано, и при изменении территориального распределения детерминирующего фактора (термических условий) зона леса закономерно наступает на зону степи или наоборот. Правда, ареалы, районы, конечно, тоже могут при определенных условиях вытеснять один другой, но между ними, как правило, нет столь жесткой системной увязки.

Понимание механизма формирования природной зональности необходимо для более глубокого понимания возможностей применения зонального подхода к социально-экономическим явлениям, и в частности к развитию транспортных систем.

Экономическая (стоимостная) зональность

Первый, наиболее очевидный, пласт зональных социально-экономических явлений — это, как уже говорилось, явления, детерминированные природной зональностью, т.е. чувствительные к распределению термических условий, уровня осадков и их прямых производных: например, к распространению вечной мерзлоты.

Однако на самом деле экономическая зональность богаче и отнюдь не сводится только к проекции природных зон в социально-экономическую сферу. Понимание зональности в предложенном в данной работе более общем виде позволяет рассматривать как зональные явления, производные не только от природных, но и от экономических, социальных, политических факторов — если их воздействие изменяет свою силу от места к месту и детерминирует тем самым территориальную дифференциацию других процессов и явлений. Такое понимание существенно раздвигает границы применения зонального подхода.

Предложенная универсальная трактовка зонального подхода, разумеется, не может считаться единственно верной, но именно она, на наш взгляд, позволяет использовать потенциал зонального подхода максимально эффективно. Рассмотрим опыт применения зонального подхода именно в данной трактовке за пределами физической географии.

Обратимся, например, к такому общепризнанному явлению, как зоны влияния крупных городов. По сути, *образующиеся вокруг города концентрические зоны центра и периферии — это качественно различные целостные «биоценозы», это «лес и степь» экономгеографии, производные от количественных показателей финансовых и информационных потоков.* Центр и периферия — это не просто взаимозависимые части системы (об этом написано немало); в то же время это и качественно различные сущности, в которых по-разному идут многие экономические и социальные процессы, разная демографическая обстановка, разные культурные нормы поведения и др. В последнее время стало модным использовать метафору биоценоза применительно к описанию комплексной региональной среды развития инновационной деятельности (см. обзор: [Найикхани, 2017]); так вот, центр и периферия — это, безусловно, разные «экоценозы» социально-экономического развития.

Модель концентрических экономических зон, волнами расходящихся вокруг экономического центра, имеет и исторический аналог — это знаменитая модель «колец Тюнена» (рис. 1), вошедшая в классические учебники экономической географии и региональной экономики. Модель предполагает формирование зональной специализации сельского хозяйства на разном удалении от города: здесь детерминирующим фактором развития служит расстояние до центра (и соответствующие транспортные издержки).

Как показал японский экономист М. Фудзита, новая экономическая география (наряду с П. Кругманом М. Фудзита — один из ее основателей) на современном методологическом уровне как раз и развивает идеи Тюнена о концентрических экономических зонах, формирующихся вокруг некоторого ядра. Хотя Тюнен больше известен своей моделью зон специализации сельского хозяйства, на самом деле, как напоминает М. Фудзита, в работах Тюнена содержатся основы объяснения причин формирования городских агломераций и концентрации экономической

деятельности в целом; Й. фон Тюнен почти на сто лет опередил А. Маршалла в концептуальном осмыслении концентрации производства и агломерационных процессов [Fujita, 1998].

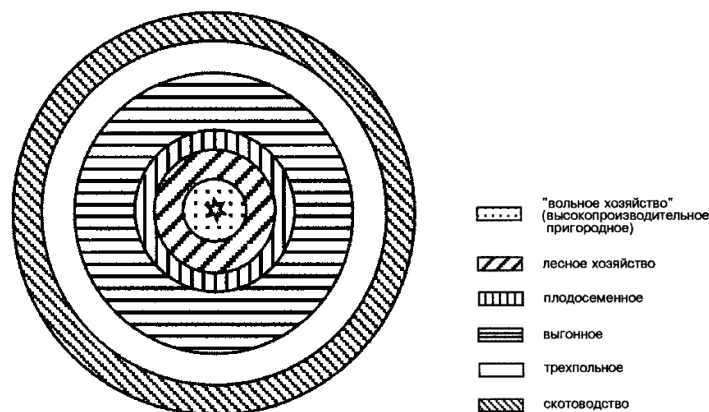

Рис. 1. Модель Тюнена [Гранберг, 2000, с. 43].

Fig. 1. The Thünen Model.

Но даже и взятая в узком применении к сельскохозяйственным зонам, концепция Тюнена — пожалуй, образцовая, наиболее разработанная и наиболее цельная модель собственно экономико-географической зональности. В основе модели явно прослеживается предложенная выше модель зональности: транспортные издержки являются здесь лимитирующим фактором для экономической рентабельности определенных направлений специализации, и соответственно расстояние до города служит тем самым количественно измеримым фактором, который детерминирует более сложные, комплексные процессы, в данном случае — специализацию хозяйства. Парадоксально при этом, что «кольца Тюнена» почти никогда не описываются в терминах зональности, обычно речь идет о «поясах» или же собственно «кольцах» [Гранберг, 2000]. Несмотря на данный казус, модель Тюнена была и остается наиболее ярким проявлением «собственно» экономической, внеприродной по генезису зональности.

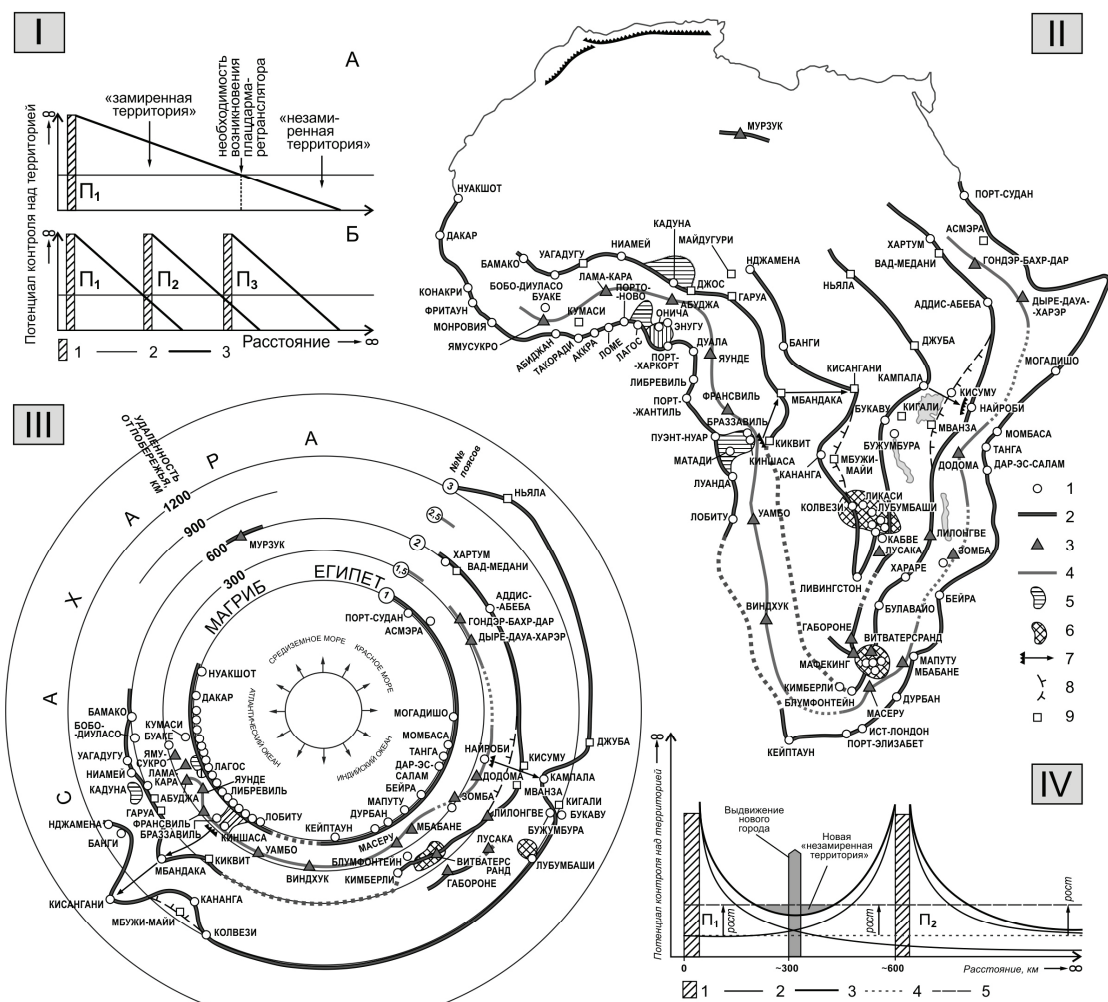
Институциональная зональность

При удалении от центров меняются не только экономические, но и политические и культурные условия развития местных сообществ. Как писала Э. Остром, лауреат премии им. Нобеля за исследования в сфере экономики общественной собственности, «формально автономии может и не существовать, но она может иметь место просто ввиду большой удаленности общественных ресурсов [ОР] от ближайшей местной администрации или представителей государственной власти. Присваиватели, живущие около удаленных ОР, как правило, имеют большую автономию, чем те, кто живет вблизи административных центров. Является данный ОР удаленным или нет, очевидно, зависит также от численности чиновников, находящихся на государственной службе, от эффективности административного аппарата на местном уровне и на уровне страны в целом и от степени развитости систем коммуникаций и транспортной системы» [2010, с. 372].

С точки зрения практического опыта факт смены институциональных условий жизни и деятельности с удалением от центров власти — вопрос настолько очевидный, что даже нашел отражение в художественной литературе: от И. Бродского («Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря...») до О. Куваева («...считали и так, что Будда возжаждал неограниченной власти, которую за дальностью расстояния (все-таки пять летных часов) мало чем мог ограничить Город»). Многим памятна и популярная работа историка Н. Эйдельмана о том, что «главные народные войны зажигаются не в самых заданных, угнетенных краях, таких, скажем, как Черноземный центр, среднее Поволжье, нет! Они возникают в зонах относительно свободных, и уж потом, с казачьих мест, пожар переносится в мужицкие, закрепощенные губернии. Оказывается, для того, чтобы восстать, чтобы начать, уже нужна известная свобода, которой не хватает подавленному помещицкому рабу» [1990, с. 188]. Впрочем, уже Герцен отмечал, что «если б Россия не была так пространна... то без преувеличения можно сказать, что в России нельзя бы было жить ни одному человеку, понимающему сколько-нибудь свое дос-

тоинство» [1990, с. 9]. Логично вспомнить в этой связи и известное наблюдение Лотмана о возможности возникновения нового в маргинальных зонах («Граница ... — область ускоренных семиотических процессов, которые всегда более активно протекают на периферии культурной ойкумены, чтобы оттуда устремиться в ядерные структуры и вытеснить их» [1992, с. 16], аналогичные идеи нередко высказываются в работах по границам (в частности: [Каганский, 1999] и др.).

- I. Ретрансляция колониального контроля вглубь территории
 А - механизм возникновения плацдармов-ретрансляторов; Б - формирование цепочки плацдармов последовательных генерализаций;
 1 - колониальные плацдармы: начальный (П₁) и последующие (П₂, П₃); 2 - колониальный контроль; 3 - автохтонный контроль;
- II. Колониальная ритмика городской сети в Африке
Пространственные ритмы: 1 - крупные города (рубеж численности 100 тыс. достигнут к 1970-м годам); 2 - основные пояса колониальных городов (600-километровый ритм); 3 - малые столицы, бывшие столицы, не являющиеся крупнейшими городами в странах, города особого политического статус-кво; 4 - новые столичные пояса. *Аритмии:* 5 - традиционные города и их скопления; 6 - скопления горнопромышленных городов; 7 - прерывы постепенности и вызванные ими сбои ритма. *Коррекция ритма:* 8 - тенденции к коррекции ритма; 9 - новые города, недавно преодолевшие рубеж 100 тыс. человек.
- III. Африка наизнанку (условные обозначения такие же, как в рисунке II)
 IV. Формирование внутреннего рубежа, выпадающего из-под контроля колониальных плацдармов
 1 - колониальные плацдармы: начальный (П₁) и последующий (П₂); 2 - колониальный контроль из отдельных плацдармов; 3 - суммарный колониальный контроль; 4 - автохтонный контроль дополнительного времени; 5 - автохтонный контроль колониального (неоколониального) времени.

Рис. 2. Модель формирования пространственного ритма центров колониальной власти на материале Африки [Рогачев, 1993, с. 176–180]. Графика адаптирована к публикации Д.В. Соколовой.
 Fig. 2. Model of formation of spatial rhythm of colonial power centers in Africa.

Удаленность от центров власти, от центров определения институционально-культурных норм может иметь и отрицательные последствия. Так, пагубность удаленности от центров принятия решений для местного развития на практическом опыте управления Аляской отмечал ее бывший губернатор У. Хикл [2002].

Британский антрополог К. Хамфри (в свою очередь, опирающаяся на работы Арденера), напротив, указывает, что удаленность действительно способствует нововведениям: «Удаленные места... полны инноваторов. Это связано с тем, что прогресс всегда еще только на пути к этим местам и принцип «сделай сам» становится единственной возможностью совершить рывок вперед» [2014, с. 14]. Аляскинский экономист Л. Хаски упоминал в своих работах институциональный вариант отдаленности (*remoteness*) уже на теоретическом уровне — впрочем, без особенной детализации [Huskey, 1992, 2005, 2006].

Есть немногочисленные работы, посвященные не столько самому явлению институциональной отдаленности как феномену, но соответствующему зонированию, основанному на пространственной дифференциации силы институциональных норм. К их числу можно отнести работу С.В. Рогачева [1993], в которой на эмпирическом материале была выведена территориальная ритмика колониальной власти в Африке, по сути очень близкая идеям зонирования (сила властного воздействия из колониального центра ослабевает с расстоянием, в результате на определенном расстоянии от него возникают условия для возвышения центров местных — антиколониальных — элит) (см. рис. 2).

Черты институционального зонирования носит и работа С. Роккана о преобладающих политических режимах Западной Европы (взятых в исторической ретроспективе) [2006]. Как и в случае «колец Тюнена» и других видов собственно экономико-географической зональности, данные два примера показывают зональность, сформированную «поверх» изначальных природных условий, собственную, внеприродную зональность.

В общем случае экономическая (стоимостная) зональность и институциональная отдаленность объединяются в рамках **концепции отдаленности**, разрабатываемой в настоящее время преимущественно за рубежом [Замятина, Пилясов, 2017а; Bergman, Lance, 2009; Huskey, 1992, 2005, 2006; Petrov, 2012; Taylor, 2016]. Впрочем, в нашей стране сам принцип выделения зоны Севера, предложенный С.В. Славиним [1961], также был основан в первую очередь на параметрах удаленности от освоенной зоны.

Фронтирная (пространственно-временная, историческая) зональность

На территориях нового освоения проявляется еще один фактор формирования зональности — уровень освоенности территории. За основу методологического подхода к выделению зональности по уровню освоенности могут быть взяты представления о пространственно-временном фронтирном цикле освоения природных ресурсов как главном факторе, определяющем территориальную дифференциацию социально-экономического развития и режимов природопользования территорий нового освоения. Понятие и методические подходы к изучению пространственно-временного фронтирного цикла были разработаны в ходе выполнения прикладных научных работ [Замятина, Пилясов, 2017б].

Современные тенденции развития региональной науки в целом свидетельствуют о высокой перспективности разработки исторических, циклических факторов зональности, в том числе связанных с процессами освоения территории, а также (видимо) диффузии нововведений. В частности, концепция фронтирного цикла хорошо сочетается с основными положениями так называемой новой экономической географии (НЭГ). Ее отличие от предыдущих этапов развития региональной экономики — это введение в модели зональности времени. Хотя лидеры НЭГ и констатируют высокую степень преемственности своих построений с концепцией Тюнена [Fujita, 2011], модели НЭГ радикальным образом отличаются именно своим динамическим характером. Рыночные зоны, детерминирующие ту или иную траекторию развития, ту или иную специализацию, определяются в НЭГ на конкретный момент времени и подразумевают развитие ситуации, основанную на получении предприятиями, размещенными в существующих центрах, преимуществ возрастающей отдачи, вызывающей рост производства, удешевление единицы продукции, повышение эффективности перевозок на все более дальние расстояния и в результате — расширении рыночных зон. Данный процесс ярко показан в работе о волнообразной смене зон экономической специализации стран Азии ([Fujita, Mori, 1998], см. ниже подробнее).

Рост и экспансия саморазвивающихся крупных городских центров — не единственный процесс, порождающий временные сдвиги экономической зональности. Строго говоря, сложившееся равновесие с плавным «расползанием» зон влияния городов сохраняется только до момента смены циклов мировой конъюнктуры — данной теме уделено много внимания в известной книге О.В. Грицай, Г.В. Иоффе и А.И. Трейвиша [1991]; о смене центров мира-экономики писали

И. Валлерстайн [2001] и Ф. Бродель [1992]; уделил ей внимание и пропагандист «нового канона» в экономической науке Э. Райнерт [2011].

Не менее сложные процессы образования и смещения социально-экономических зон формируются, очевидно, в районах нового освоения, или, как их чаще называют в зарубежной литературе, во фронтальных областях.

В любопытной работе 1990-х А.С. Наумов описал внешнее ограничение зональной системы фронтальной динамики. Вокруг экономических центров формируется «тюненовская» (по сути) концентрическая структура зон разной хозяйственной специализации, постепенно расширяющаяся со временем [Наумов, 1993]. Примечательно, что зоны описаны глубоко, с качественными различиями хозяйственного уклада, систем землевладения и др. Однако на определенном расстоянии от центров экономического воздействия его влияние настолько ослабевает, что заканчивается (по сути, иссякает) сама система зональной организации экономической специализации сельского хозяйства — и начинается ареальная система организации, в большей степени отвечающая природным особенностям, чем силе экономического воздействия крупногородских центров.

Заметим, однако, что А. Наумовым описан «фронт наоборот»: не новые сельскохозяйственные земли служат движущим фактором освоения — наоборот, выход на новые земли происходит под влиянием расплзания капиталистического уклада из экономических центров и выдавливания традиционных укладов на периферию зональной системы капиталистического сельского хозяйства (в каком-то смысле аналог модели «летающих гусей» из упомянутой работы Фудзиты и Мори — см. рис. 3).

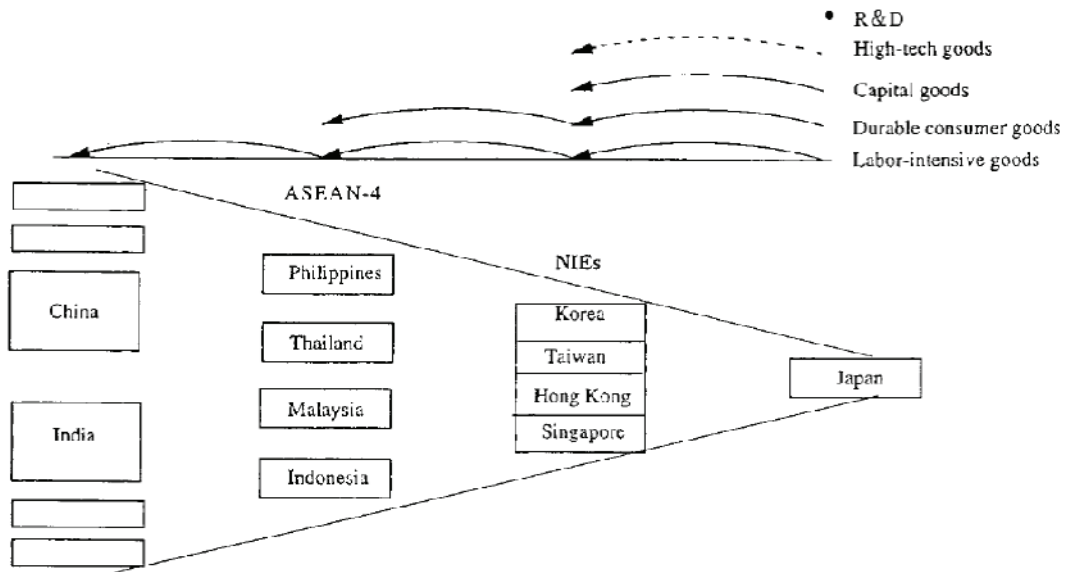

Рис. 3. Модель зональной специализации экономики в азиатских странах [Fujita, Mori, 1998].

Fig. 3. Zonal model of economic specialization in Asian countries.

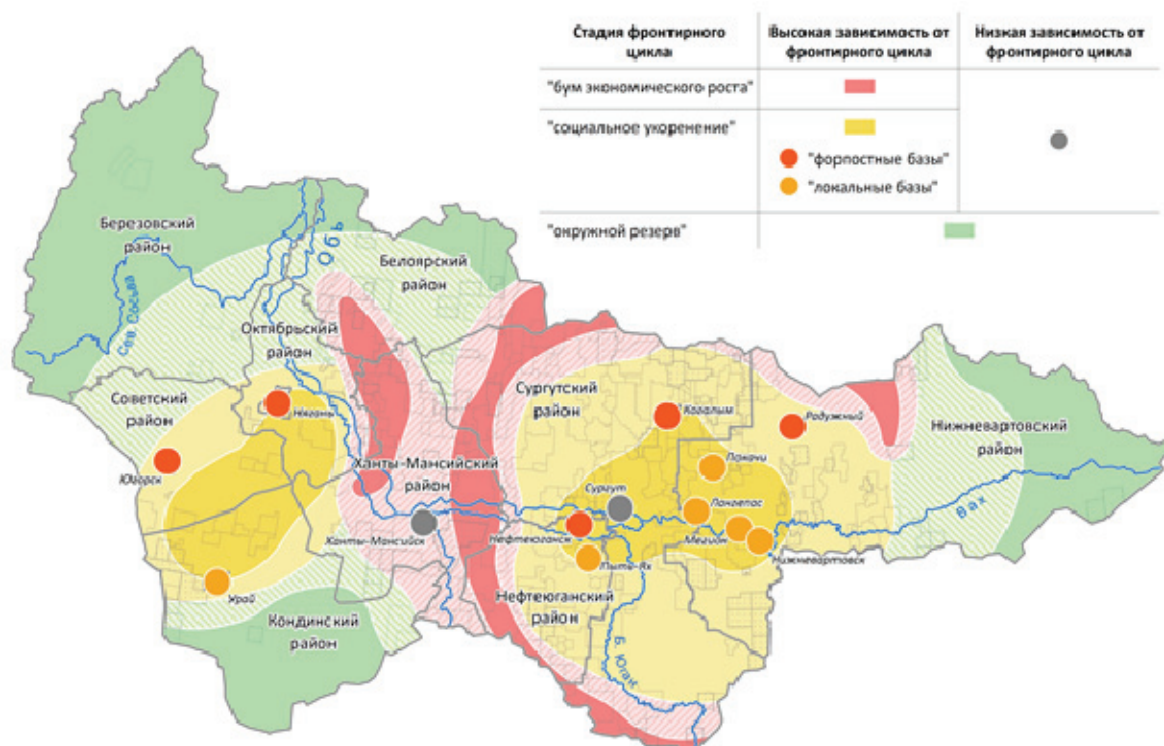
Изучение влияния процессов освоения на формирование качественно различных социально-экономических зон имеет большое прикладное значение, как это было показано в ходе актуализации Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры в 2016 г. [Замятина, Пилясов, 2017b].

Особенности нашего применения зонального подхода в рамках разработки Стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа — Югры состояли в следующем. Во-первых, в основу были положены не ландшафтные или природно-климатические факторы, а возраст нефтепромышленного освоения как дирижирующий фактор дифференциации (фронтальный цикл освоения), к которому затем были добавлены факторы транспортной доступности и хозяйственного статуса территории (наличие или отсутствие в городе подразделения нефтегазовой компании).

Данный проект дал важный опыт работы на микроуровне, обеспеченном статистикой нефтедобычи по отдельным нефтепромышленным участкам, которые были взяты за основу как низовая ячейка наблюдения.

Антропология зональности: природа и культура в пространственной дифференциации...

Исходная гипотеза о наличии в округе трех разных зон по возрасту освоения: 1) зоны пионерного освоения молодых, относительно недавно открытых нефтепромысловых участков, 2) староосвоенной зоны, отработка которой проходит уже более полувека, и 3) зоны окружного резерва, нефтепромысловое освоение которой может состояться в долгосрочной перспективе,— затем подтверждалась работой независимых экспертов в процессе подготовки разделов Стратегии в абсолютно разных сферах социально-экономического развития округа: в транспортной стратегии, в разделе развития малого бизнеса, даже в разделе по развитию гражданского общества Югры. Выявленная дифференциация автономного округа на «три Югры» работала как объясняющий фактор различий во многих других отраслевых и пространственных типологиях (рис. 4).

Рис. 4. Общая схема фронтальных зон Югры.

Составлено: Н.Ю. Замятина (эскиз), Р.В. Гончаров (картография). Ранее опубликовано: [Замятина, Пилиасов, 2017b].

Fig. 4. The General scheme of frontier zones of Ugra.

Compiled by authors: N.Yu. Zamyatina (outline), R.V. Goncharov (cartography). First published: [Zamyatina, Pilyasov, 2017b].

Заключение

Природная и описанная нами «внеприродная» зональность имеют как сходство, так и принципиальные различия. Сходство обусловлено избранным нами принципом зональности: территориально дифференцированное по силе воздействие некоторого ключевого фактора вызывает территориальную дифференциацию качественно разнородных явлений, формирование на разных территориальных участках разных «экоценозов» как в природной, так и в социально-экономической среде.

Природная зональность имеет, как правило, планетарный масштаб — это и понятно, учитывая, что ключевым фактором формирования природной зональности является солнечная радиация, воздействующая на планету в целом.

Ключевые факторы формирования «внеприродной» зональности, как правило, локализованы на поверхности земли — это экономические, политические, культурные центры. Их влияние ограничено в пространстве и относительно динамично во времени. В силу локализации базового фактора формирования «внеприродной» зональности формирующиеся при этом зоны чаще имеют концентрическую структуру. Часто дифференциация происходит по степени доступности сконцентрированных в центре благ (модель Тюнена и аналоги). Возможна, однако, и «по-

ясная» структура зональности, если главным источником воздействия на окружающую территорию является линейный или квазилинейный объект — как в случае с «поясом городов» с максимальной доступностью рыночных отношений — осью развития Западной Европы.

Как природные, так и внеприродные зоны основаны на дифференциации в пространстве *силы воздействия* одного базового фактора (или группы тесно взаимосвязанных факторов): тепла и влаги, экономической активности (в виде доступности капитала и инноваций), степени доступности рыночных отношений, экономических ресурсов и др.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-05-00600 «Новая теория освоения Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алаев Э.Б.* Социально-экономическая география: Понятийно-терминологический словарь. М.: Мысль. 1983. 350 с.
- Алисов Б.П.* Географические типы климатов // Метеорология и гидрология. 1936. № 6. С. 16–25.
- Барнард А.* Социальная антропология: Исследуя социальную жизнь людей / Пер. с англ. и коммент. Ю.А. Артемовой, М.В. Тендряковой; Научн. ред. и коммент. О.Ю. Артемовой. М.: ИЭА РАН, 2009. 244 с.
- Берг Л.С.* Климат и жизнь. Госиздат, М., 1922. С.356
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм: XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира. М.: Прогресс, 1992. 679 с.
- Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001. 416 с.
- Васильев В.В., Селин В.С.* Методология комплексного природнохозяйственного районирования северных территорий и российской Арктики. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2013. С. 260.
- Герцен А.И.* Сочинения: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 652.
- Головнев А.В.* Историческая типология хозяйства народов Северо-Западной Сибири. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1993. 204 с.
- Гранберг А.Г.* Основы региональной экономики. М.: ГУ-ВШЭ, 2000. 495 с.
- Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И.* Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991. 167 с.
- Докучаев В.В.* Учение о зонах природы: Горизонтальные и вертикальные почвенные зоны. СПб.: Тип. Санкт-петербургского градоначальства, 1899. 28 с.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Концепция близости: Зарубежный опыт и перспективы применения в России // Известия РАН. Сер. геогр. 2017а. № 3. С. 8–21.
- Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н.* Региональный консалтинг: Приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. Маматов: Санкт-Петербург, 2017b. 195 с.
- Каганский В.Л.* Вопросы о пространстве маргинальности // Новое литературное обозрение. 1999. № 37. С. 52–62.
- Крупник И.И.* Арктическая этноэкология. М.: Наука, 1989. 272 с.
- Левин М.Г., Чебоксаров Н.Н.* Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области // СЭ. 1955. № 4. С. 3–17.
- Лотман Ю.М.* О семиосфере // Избранные статьи: В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 11–25.
- Наумов А.С.* Социально-экономическая многоукладность сельского хозяйства и современная интерпретация модели «центр — периферия» для развивающейся страны // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13: Проблемы общественной географии. М., 1993. С. 155–174.
- Остром Э.* Управляя общим: Эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН: Мысль, 2010. С. 372.
- Пилясов А.Н.* Города-базы Арктического фронта // Вопросы географии. Сб. 141: Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 503–529.
- Пилясов А.Н.* Арктика: Общее и особенное // Пути России. Север — Юг. Т. XXIII. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 16–21.
- Райнерт Э.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ГУ-ВШЭ, 2011. 384 с.
- Розачев С.В.* Модель экстравертности в географии общества: Колониальное наследие в территориальной структуре городского расселения Африки // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. Вып. 13: Проблемы общественной географии. М., 1993. С. 175–193.
- Роккан С.* Города, государства и нации: Пространственная модель изучения различий в развитии // Политическая наука: Научное наследие Стейна Роккана. М.: ИНИОН РАН, 2006. № 4. С. 46–72.

Антропология зональности: природа и культура в пространственной дифференциации...

- Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Изд-во экон. лит., 1961. 302 с.
- Хамфри К. Изменение значимости удаленности в современной России // ЭО. 2014. № 3. С. 8–24.
- Хикл У. Проблемы общественной собственности: модель Аляски — возможности для России? / Пер. с англ. Г.А. Хмелева; Ред. А.П. Королева. М.: Прогресс; Анкоридж: Ин-т Севера, 2002. 355 с.
- Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии / Сост. И.С. Щукин. М.: Сов. энциклопедия, 1980. 703 с.
- Шувалов В.Е. Зона // Социально-экономическая география: Понятия и термины: Словарь-справочник. Смоленск: Ойкумена, 2013. С. 100–101.
- Эйдельман Н.Я. 17 сентября 1783 г. // Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М.: Высш. школа, 1993. С. 181–200.
- Berman M., Lance H. Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic // Proceedings of the International Conference on Urbanisation of the Arctic, Nuuk, Greenland, August 2012, Stockholm: Nordregio, 2012. P. 108–122.
- Fujita M. Thünen and the New Economic Geography // Discussion papers. 2011. 11074. Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI). URL: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e074.pdf>.
- Fujita M., Mori T. On the dynamics of frontier economies: Endogenous growth or the self-organization of a dissipative system? // Annals of the regional science. 1998. № 32. P. 39–62.
- Hajikhani A. Emergence and dissemination of ecosystem concept in innovation studies: A systematic literature review study // Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences. 2017. P. 5227–5236. URL: <http://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/41796/1/paper0647.pdf>.
- Huskey L. Challenges to Economic Development: Dimensions of «Remoteness» in the North // Polar Geography. 2005. 29 (2). P. 119–125.
- Huskey L. Limits to growth: Remote regions, remote institutions. The Annals of Regional Science. 2006. 40. P. 147–155.
- Huskey L., Morehouse Th.A. Development in remote regions: What do we know? // Arctic. 1992. 45 (2). P. 128–137.
- Petrov A.N. Redrawing the Margin: Re-examining Regional Multichotomies and Conditions of Marginality in Canada, Russia and their Northern Frontiers // Regional Studies. 2012. 46 (1). P. 59–81.
- Taylor A., Carson D.B., Ensign Pr.C., Huskey L., Rasmussen R.O., Saxinger G. (Eds.). Settlement at the Edge. Remote Human Settlements in Developed Nations. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing, 2016. 450 p.

N.Yu. Zamyatina

Lomonosov Moscow State University
GSP-1, Leninskie gory, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Geography,
Moscow, 119991, Russian Federation
E-mail: nadezam@yandex.ru

ANTHROPOLOGY OF ZONALITY: NATURE AND CULTURE IN THE SPATIAL DIFFERENTIATION OF HUMAN ACTIVITY

The article is theoretical in nature and does not cover any particular region; however, the phenomenon of zonality is of particular relevance to the northern part of Siberia. The article draws a fundamental analogy between the classical theoretical zonal model of Thünen and zoning models of various regions of the world (Southeast Asia, Africa and the Khanty-Mansi Autonomous Okrug — Ugra in Russia). Zonality is usually perceived as a natural phenomenon — regularly and naturally alternating natural zones (tundras, taigas, steppes, etc.). Under the influence of changing natural conditions, human activity also changes to one degree or another. However, there are many cultural and human factors under whose influence a similar picture of regularly and naturally differentiated zones emerges. For example, it could be the centre and periphery, previously and newly developed zones, etc. These zones are differentiated not only from an economic point of view but also as complex phenomena including holistic, imperious, behavioural and other aspects. The article is aimed at expanding the standard use of the concept 'zonality', reconsider zoning as not only and not so much a natural phenomenon as a broad theoretical approach effective for comparative studies in anthropology, economic and social geography, history, economics, as well as other disciplines. The technique used in this study consists in the identification of similar features when modelling the geographical differentiation of processes of different nature. As a result, the author proposes a general conceptualisation framework for the concept 'zonality' as a universal phenomenon of spatially differentiated conditions for activities and the understanding of these conditions by people. The phenomenon of zonality can be observed when the geographical differentiation of any studied process is determined by a regular difference in a certain basic condition from place to place, which has a definitive effect on the development of the studied process. In the case of natural zonality, this is the distribution of

solar radiation; in the case of economic zoning, cost of transportation often serves as the differentiating factor; in the case of areas of new development, the differentiating factor is the age of development.

Key words: zoning, geographical zone, center-periphery, development, frontier, new economic geography.

Funding. The reported study was funded by RFBR according to the research project № 18-05-00600 «New theory of economic penetration into the Arctic and Northern space: multiscale interdisciplinary synthesis».

REFERENCES

- Alaev E.B. (1983). *Socio-economic geography: Conceptual and terminological dictionary*. Moscow: Mysl'. (Rus.).
- Alisov B.P. (1936). Geographical types of climates. *Meteorologiya i gidrologiya*, (6), 16–25 (Rus.).
- Barnard A. (2006). *Social anthropology: Investigating human social life*. Abergale: Studymates Ltd.
- Berg L.S. (1922). *Climate and life*. Moscow: Gosizdat. (Rus.).
- Berman M., Lance H. (2012). Remoteness, Transportation Infrastructure, and Urban-Rural Population Movements in the Arctic. In: *Proceedings of the International Conference on Urbanisation of the Arctic* (pp. 108–122). Stockholm: Nordregio.
- Braudel F. (1992). *Material civilization, economics and capitalism, 15–18th centuries. Vol. 3: The time of peace*. Moscow: Progress. (Rus.).
- Dokuchaev V.V. (1899). *The doctrine of the zones of nature: Horizontal and vertical soil zones*. St. Petersburg: Tipografiya Sankt-peterburgskogo gradonachal'stva. (Rus.).
- Eidel'man N.Ia. (1993). September 17, 1783. In: *Iz potaennoi istorii Rossii XVIII–XIX vekov* (pp. 181–200). Moscow: Vysshaya shkola. (Rus.).
- Shchukin I.S. (Ed.) (1980). *Four-language Encyclopedic Dictionary of Terms in Physical Geography*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. (Rus.).
- Fujita M. (2011). Thünen and the New Economic Geography. *Discussion papers*. 11074. Research Institute of Economy, Trade and Industry (RIETI). Retrieved from: <https://www.rieti.go.jp/jp/publications/dp/11e074.pdf>.
- Fujita M., Mori T. (1998). On the dynamics of frontier economies: Endogenous growth or the self-organization of a dissipative system? *Annals of the regional science*, (32), 39–62.
- Golovnev A.V. (1993). *Historical typology of the economy of the peoples of North-West Siberia*. Novosibirsk: Izdatel'stvo Novosibirskogo universiteta. (Rus.).
- Granberg A.G. (2000). *Fundamentals of a Regional Economy*. Moscow: GU-VShE. (Rus.).
- Gritsai O.V., Ioffe G.V., Treivish A.I. (1991). *Center and periphery in regional development*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Hajikhani A. (2017). Emergence and dissemination of ecosystem concept in innovation studies: A Systematic literature review study. In: *Proceedings of the 50th Hawaii International Conference on System Sciences* (pp. 5227–5236). Retrieved from: <http://scholarspace.manoa.hawaii.edu/bitstream/10125/41796/1/paper0647.pdf>.
- Herzen A.I. (1990). *Works. Vol. 2*. Moscow: Mysl'. (Rus.).
- Hickel W. (2002). *Crisis in the Commons. The Alaska Solution*. Anchorage: ICS Press.
- Humphrey K. (2014). Changing importance of remoteness in modern Russia. *Ethnographic review*, (3), 8–24. (Rus.).
- Huskey L. (2005). Challenges to Economic Development: Dimensions of «Remoteness» in the North. *Polar Geography*, 29(2), 119–125.
- Huskey L. (2006). Limits to growth: Remote regions, remote institutions. *The Annals of Regional Science*, (40), 147–155.
- Huskey L., Morehouse Th.A. (1992). Development in remote regions: What do we know? *Arctic*. 45(2), 128–137.
- Kaganskii V.L. (1999). Questions about the space of marginality. *Novoe literaturnoe obozrenie*, (37), 52–62. (Rus.).
- Krupnik I.I. (1989). *Arctic ethnoecology*. Moscow: Nauka. (Rus.).
- Levin M.G., Cheboksarov N.N. (1955). Economic and cultural types and historical and ethnographic areas. In: *Sovetskaya etnografiya*, (4), 3–17. (Rus.).
- Lotman Iu. M. (1992). About semiosphere. In: *Selected articles in three volumes. Vol. 1: Articles on semiotics and cultural topology* (pp. 11–25). Tallin: Aleksandra. (Rus.).
- Naumov A.S. (1993). Socio-economic diversification of agriculture and a modern interpretation of the center-periphery model for a developing country. In: *Voprosy ekonomicheskoi i politicheskoi geografii zarubezhnykh stran. Vol. 13: Problemy obshchestvennoi geografii*. (pp. 155–174). Moscow. (Rus.).
- Ostrom E. (1990). *Governing the Commons. The Evolution of Institutions for Collective Action*. Cambridge: University Press.
- Petrov A.N. (2012). Redrawing the Margin: Re-examining Regional Multichotomies and Conditions of Marginality in Canada, Russia and their Northern Frontiers. *Regional Studies*, 46(1), 59–81.

Антропология зональности: природа и культура в пространственной дифференциации...

- Pilyasov A.N. (2016). Base cities of the Arctic frontier In: S.G. Safronov (Ed.). *Voprosy geografii. Vol. 141: Problems of regional development of Russia* (pp. 503–529). Moscow: Izdatel'skii dom Kodeks. (Rus.).
- Pilyasov A.N. (2017). Arctic: General and special. In: M.G. Pugacheva, V.P. Zharkov (Eds.). *Puti Rossii. Sever — Iug*, XXIII (pp. 16–21). Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia. (Rus.).
- Reinert E. (2007). *How Rich Countries Got Rich ... and Why Poor Countries Stay Poor*. London: Constable.
- Rogachev S.V. (1993). Extroversion model in the geography of society: Colonial heritage in the territorial structure of urban settlement of Africa. In: *Voprosy ekonomicheskoi i politicheskoi geografii zarubezhnykh stran. Vol. 13: Problemy obshchestvennoi geografii* (pp. 175–193). Moscow. (Rus.).
- Rokkan S. (2006). Cities, states and nations: A spatial model for studying differences in development In: M.V. Il'in (Ed.). *Politicheskaiia nauka: Nauchnoe nasledie Steina Roccana*, (4) (pp. 46–72). Moscow: INION RAN. (Rus.).
- Shuvalov V.E. (2013). Zone. In: A.P. Gorkin (Ed.). *Sosial'no-ekonomicheskaiia geografiia: Poniatiia i terminy: Slovar'-spravochnik* (pp. 100–101). Smolensk: Oikumena. (Rus.).
- Slavin S.V. (1962). *Industrial and transport development of the North of the USSR*. Moscow: Izdatel'stvo ekonomicheskoi literatury. (Rus.).
- Taylor A., Carson D.B., Ensign Pr.C., Huskey L., Rasmussen R.O., Saxinger G. (Eds.) (2016). *Settlement at the Edge. Remote Human Settlements in Developed Nations*. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar Publishing.
- Vasil'ev V.V., Selin V.S. (2013). *Methodology of integrated natural economic zoning of the northern territories and the Russian Arctic*. Apatity: Izdatel'stvo Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN. (Rus.).
- Wallerstein I. (2001). *Analysis of world systems and the situation in the modern world*. St. Petersburg: Universitetskaia kniga. (Rus.).
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. (2017a). Concept of proximity: Foreign experience and prospects of application in russia. *Izvestiia RAN*, (3), 197–207. (Rus.).
- Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. (2017b). *Regional consulting: An invitation to creativity. Experience in the development of strategic planning documents at the regional and municipal levels*. St. Petersburg: Mamatov. (Rus.).

This work is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/).

Submitted: 10.09.2019

Accepted: 30.09.2019

Article is published: 30.12.2019